

НАДЕЖДА СЕВОСТЬЯНОВА

Куда сбежали луговые собачки?

Надежда Севостьянова

Куда сбежали луговые собачки?

«Издательские решения»

Севостьянова Н.

Куда сбежали луговые собачки? / Н. Севостьянова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-516340-0

Если вы думаете, что хоть что-то знаете о любви, то очень сильно заблуждаетесь. Но у вас есть шанс приблизиться к ее разгадке.

ISBN 978-5-00-516340-0

© Севостьянова Н.
© Издательские решения

Куда сбежали луговые собачки?

Надежда Севостьянова

Посвящается Татьяне

Любви нет, есть только жизнь.

(Очень древний мудрец)

© Надежда Севостьянова, 2020

ISBN 978-5-0051-6340-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Почему он всегда ставит меня в тупик своими вопросами? Мы сидели с Риналем в его ресторане. И, как всегда, на его тарелке было мясо, а на моей – что-нибудь из воды. На этот раз это – лангуст. Риналю принесли бычьи хвосты, здесь их подают только ему. Нет, если бы я попросил то же самое, мне, конечно, принесут, но я никогда этого не закажу. Я не ем мяса, я не вегетарианец, я – пещерианец, просто любитель рыбы и морепродуктов.

Хвосты Риналю готовят аутентичным способом в течение пяти-шести часов. В сущности, это уже не мясо, а просто мясное суфле, почти десерт. Думаю, что его даже не надо переваривать, он просто всасывается сразу в кровь и надолго насыщает могучий организм Риналя. Запивается всё это уникальным красным вином. У Риналя есть друзья, муж и жена, у которых на настоящей деревенской даче растёт полудикий виноград. Из него они делают вино, всего бутылок сорок. И почти все они попадают Риналю на стол. Платит он за каждую бутылку как за «Феррари». Но он пищевой извращенец и потому в конце трапезы запивает всё это «Лемончелло», то есть, лимонным ликёром, его приучил к этому знакомый итальянец, сосед по дому на Соррентийском побережье. Риналь – человек привычки, всё у него должно быть под контролем, запрограммировано. Сюрпризов от него я обычно не жду, тем более неожиданным был его вопрос.

– Как ты находишь мою жену?

Я чуть не поперхнулся. В отличие от тарелки Риналя, на моей была бледная, я бы сказал, кислотная еда. Может быть, вследствие этого, я не способен обсуждать серьёзные темы, а жена Риналя – это очень серьёзно.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну ты ведь совокупаешься с ней?

Вечно он выражается как поп на клиресе.

– Я люблю Лукерью, ты ведь знаешь.

– Знаю, Лушка постоянно о тебе говорит. В отличие от меня, ты её удовлетворяешь, но любит она меня. А ты просто её хочешь, к тому же, ты делаешь много ошибок. В любви соитие – это не главное. Я не уверен, что Луша со мной пережила хоть один оргазм. Мужики слишком много значения придают женскому оргазму. Женщина может прожить с мужем целую жизнь, нарожать от него кучу детей и всё это безо всякого оргазма. Но она знает, что это такое, каждая знает. Такое удовольствие, которое женщина может доставить сама себе, не способен дать ей ни один мужчина. Крики, стоны, ахи... вздохи, рычание, мычание – это всё спектакль для вас, мужиков. Большинство из вас даже не подозревает, как не совпадают эротические мечты женщины с тем, на что её стимулирует партнёр. Они терпеть не могут посторонние мужские предметы во рту, которые ещё надо облизывать, теревить и тереть. Фу... гадость. Впихивание мужского тепловоза в задний тоннель – это вообще за гранью. Бедные, ведь это не только

болезненно, но и вызывает тошноту, так же, как и ротопенисное безумие. У нас с Лушкой ничего такого нет и в помине. Ты даже не догадываешься, какое наслаждение она получает, когда мой горячий набухший багетик просто находится у нее в тёплой влажной пещерке. Она обычно замирает и может так лежать бесконечно. Вот это я называю настоящим соитием. Ты спросишь, а как же мой «торнадо»? А «торнадо» в таком случае нет. Ну представь, что в подобном состоянии покоя, счастья и блаженства я вдруг включу свой поршень. Это просто жуть! Ты не поверишь, какой я получаю кайф от такого волшебного соития. Могу даже заснуть на ней. Понимаешь, у вас с Лукерьей физика, а у нас с ней – химия. Подумай сам, что сильнее держит людей. Так что, в Лушке я уверен на все сто. А тебя я люблю, потому что ей с тобой тоже хорошо, но по-другому.

Меня всегда удивляет способность Риналя обсуждать за обедом любые темы, даже такие, от которых у меня, например, пропадал аппетит. Лангуст на моей тарелке совсем привял, почти загнулся, вино, кажется, уже забродило. Риналь с удовольствием попивал свой «Лемончелло» из изящного стопятидесятиграммового флакончика. Он почти не смотрел на меня, ему было всё равно, какое впечатление он производит на окружающих.

– Слушай, я перестану её напрягать своими мужскими закидонами. Я ведь в любом случае получу удовлетворение. Бедные женщины, сколько им приходится притворяться. Для чего же так заложена физиология мужчин и женщин?

– Сквозь тернии к звёздам. Всё через преодоление, чтобы не было как у кроликов. Размножаться надо тоже с умом. Основное различие между нами, я имею в виду женщин и мужчин, какое? У женщин – это эротика и идёт от головы, а у нас – порнография и тоже идет, нет не от головы, а от головки. Никогда не верь женщине, если она под тобой орёт, вроде как от удовольствия, всё это – чистая симуляция, это же не роды, чтобы орать. В настоящий момент физической эйфории она не то что орать, а иногда и вздохнуть-то не может, так напряжена, это как судорога. Сам подумай, если бы она получала каждый раз такое удовольствие, стала бы она отговариваться головной болью или усталостью? И учти, женщина каждый раз знает точно, что она понесла и от кого, в этот момент на неё как будто снисходит святой дух, вернее душа в неё вселяется – будущего ребёнка.

– Слушай, откуда ты всего этого набрался? Дошёл своим умом и опытом?

– Отнюдь. Просто в юношеском возрасте, когда пришло время просветить сына насчёт пестика и тычинок, это сделал не мой отец, как это принято во всех приличных семьях, а моя матушка, дай ей Бог здоровья. Кто лучше женщины расскажет о том, что нужно женщине в интимных отношениях с мужчиной.

– Получается, что девочку должен посвятить в тонкости мужского либидо отец?

– Именно.

– Но здесь же выясняется полное несовпадение сексуальных пристрастий между полами. Женщинам нужно одно, а мужикам совсем противоположное. Вот откуда бабские «головные боли», а у мужиков... слушай, а мужики что, тоже симулируют?

– Кто-то, да, но у нас это гораздо реже. Ты когда-нибудь говорил Лукерье, что у тебя голова болит или ты «наломался» на работе?

– Боже, упаси. Никогда, ты что, я всегда во всеоружии.

– Уверен и от Лушки ты не слышал о головной боли. Она к тебе приходит только, когда готова, как «пионерка». Я что, испортил тебе аппетит?

– Да, не пойму, к чему весь этот разговор?

– Я хочу избавиться от денег.

– Какие проблемы? Пожертвуй какому-нибудь собачьему приюту.

– Что, все пятнадцать миллиардов?

– Шутка не смешная.

– Это не шутка. Мне всё надоело, и дело, которым занимаюсь, и шушера, которая меня окружает. Сначала я делал деньги, вернее, я делал то, что нужно всем и деньги текли сами и теперь уже деньги делают деньги. Абсурд. Это уже вообще не имеет смысла.

Я ему не верил. Вот ведь лошара. Он что, меня проверяет, что ли? Я решил подыграть обормоту.

– И как ты собираешься это повернуть?

– Я думал, ты меня надоумишь.

– У меня нет ни опыта, ни желания, ни таких денег. А ты просто с жиру бесишься.

– Так и знал, что ты так скажешь. Я и люблю тебя за твою предсказуемость, ты надёжен.

– А Лукерья знает о твоих планах?

– А зачем? Для неё ничего не изменится, как жила, так и будет жить.

– Ты так в ней уверен?

– Ты плохо её знаешь. Она умна и знает цену главному в жизни.

– Но жить-то она привыкла с комфортом, даже в роскоши.

– Да, и уже бесится от этого. Её мечта как раз приют для собак и кошек, и ещё – лошади.

– Ну вот тебе и решение проблемы. Собери всех собак и кошек на земле, всем твоих миллиардов хватит.

– Смеёшься?

– Так и ты не серьёзно.

Риналь посмотрел на меня так, что я понял – он не шутит. Вот ещё напасть. Был нормальный мужик, а стал больным на всю голову. Я продолжал ему подыгрывать, это – как с ребёнком, а то будет истерика.

– Хорошо, что от меня-то требуется?

– Надо раздать по пять миллионов всем, кто нуждается. Но это должны быть порядочные люди.

– А как ты будешь определять, кто приличный человек, а кто – нет?

– Я сказал порядочные, а не приличные.

– А в чём разница?

– У порядочных совесть есть. Приличных вокруг полно, а порядочных – днём с огнём не сыщешь.

– И что, есть тест на порядочность?

– Есть, наверное, но я его не знаю. Поэтому-то ты мне нужен. Ты организуешь разведывательное агентство, которое и будет выявлять таких людей. С каждого будешь иметь миллион. Персонал и систему отбора разработай сам. Надо же тебе чем-то заниматься.

– Я. между прочим, художник.

– Но ты пока живой и поэтому тебя никто не покупает. В живописи я ни черта не понимаю. Я могу купить все твои картины, но во-первых, ты мне не продашь, ты же гордый, а во-вторых, что мне с ними делать? Слушай, если ты сможешь мне, я куплю все твои картины и просто подарю Эрмитажу – прославишься на века.

– Спасибо, обойдусь. Избави Бог нас от таких меценатов. Кстати, Лукерья ценит мои картины. Всё, что висит у тебя в доме, это всё моё.

– В самом деле? Я ещё думал, на кой чёрт она повесила всю эту лабуду. Впрочем, я не очень-то их разглядывал. Ну если ей нравится – пусть висят. А кстати, почему нет её портретов?

– А чтобы ты не догадался, что это моё.

– А чё проговорился?

– А теперь уже всё равно.

Я считаю себя талантливым художником, даже выдающимся. Когда меня спрашивают о направлении моей живописи, я, с важным видом, сообщаю, что это – коммунистический реа-

лизм, то есть, я пишу то, чего никогда не было, нет и никогда не будет. Как там формулируется главный принцип коммунизма? «От каждого по способностям – каждому – по потребностям». Я живописую потребности современного человека. Получается довольно мрачно, порой даже жутко. Некоторые считают, что это сплошная чернуха и таким образом я выплескиваю своё гнилое нутро. Это очень примитивный взгляд на творчество в целом. Те, кто меня хорошо знает, категорически с этим не согласны. Многие считают, что я делаю благое дело, глядя на мои картины, люди никогда не захотят туда, в коммунизм. Тем не менее, мои картины никто не покупает. Я не сетую, я знаю, что просто моё время не пришло. Многих гениев современники не понимали, не ценили. Но когда меня не станет, мои картины признают шедеврами. А я и рад, ведь я пишу потому, что не могу не писать. Мой взгляд на мир отличается от того, что я пишу. Я, вообще-то, оптимист. Вот патологоанатомы каждый день с трупами дело имеют, а веселее и жизнерадостнее их нет.

– Ну что, ты согласен мне помочь?

– Вообще-то, художник должен быть бедным и голодным.

– То-то Пикассо голодал.

– Пикассо – это не живопись, это – мистификация. Ты серьёзно про разведывательное агентство? Может, просто сесть в вертолёт и разбросать все твои миллиарды с воздуха, дешево и сердито, а ещё лучше прыгни сам и дело с концом.

– Это смертный грех, не знал? – Риналь шутку не оценил. – Разбросать, а что потом? Лечь на диван и телек смотреть?

– А зачем обязательно раздавать? Пусть себе лежат, трать их понемногу, надолго хватит.

– Тратить понемногу? Я что, Вечный Жид? Я не хочу жить вечно. И что есть такого на земле, за что можно заплатить такие деньги? Есть вещи, которые не купишь ни за какие деньги.

– Интересно, какие? Только не говори про любовь и здоровье, это банально.

– Нет, я не про это. Я, например, про совесть.

– Многие без неё прекрасно обходятся.

– Со-весть, весть о чём? Как ты думаешь?

– Понятия не имею.

– Безбожник ты. Весть, которую услышат только те, кто жил по-совести. Остальные погрязнут во тьме. Ну разбросаю я деньги, а что потом?

– А потом прекрасная свободная жизнь налегке, как у меня.

– Мне нужно какое-то занятие, бизнес. Обычно бизнес приносит деньги, а мой будет уносить. Я должен быть занят, а то сойду с ума. К тому же дело-то благородное.

– Ты уверен? Деньги ещё никому не принесли пользу, особенно халявные. У тебя, по моему, большая проблема. Может тебе обратиться к психологу, он вправит тебе мозги, заплатишь ему пять миллионов, мне – один. Надо же с чего-то начать.

– А это – мысль. Я в тебе не ошибся. Но ты должен присутствовать при каждом акте пожертвования. И чтобы никаких осечек не было, а то сейчас народ ушлый. Сам дьявол не разберёт, кто порядочный, а кто просто выпить хочет.

* * * * *

Вечером, лёжа в кровати с Лукерьей, я разглядывал её на этот раз как-то особенно внимательно. После «совокупления» (только так теперь я буду выражаться) Лушка была расслаблена и я не решался её ошарашить новостями от её муженька. Но у меня свербило и я не удержался.

– Луша, ты знаешь, что учудил твой Риналь?

– Он много чудит. Что на этот раз?

– Хочет раздать все свои миллиарды.

– Да, я в курсе, он что, тебя припахал? До этого у него была идея уполовинить человечество.

– Как это?

– Сократить до трёх миллиардов.

– Шутить? И каким же образом?

– За счёт халявы. Раздавать халявные билеты на морские круизы, на самолёты, на поезда, а потом корабли топить, самолёты обрушивать, а поезда пускать под откос. И всё это должны были делать сами капитаны, машинисты и пилоты.

– Они что – камикадзе?

– Нет, они будут закодированы. Бред полный, но это у него прошло. Теперь видишь, у него другая идея, благородная.

– А ты-то что про всё это думаешь?

– Я согласна с любой его идеей. Народу на земле прорва, большинство – мусор, страждущих тоже полно, куда ни кинь – он прав.

– Да... муж и жена – одна сатана.

– Так и есть.

Лукерья лежала на спине, сложив руки на груди и была похожа на покойницу, если бы всё её естество не кричало о необыкновенной звериной живучести. Я гордился, что именно я доставляю ей физическое удовольствие. Что бы ни говорил Риналь, я любил Лукерью. Он считает, что это просто физическая зависимость. Пусть так, хотя это скорее всего моя слабость, ведь ситуация дурацкая, унижающая и меня и Лушку. Но она этого не чувствует.

– Скажи, ты думаешь, это реально, то, что он задумал. По-моему, это какой-то розыгрыш. И разыгрывает он именно меня, не хочется чувствовать себя идиотом.

– Да нет, просто ему всё обрыдло.

– Слушай, может ему сходить к психиатру?

– Ты чё, он нормальнее нас с тобой. Ты имел в виду психоаналитика? А вот это мысль. Он поможет ему сформулировать принципы задуманного. И потом, с чего-то надо начать.

* * * * *

Мне пришлось долго шарить в Интернете, чтобы найти подходящего психоаналитика, он должен быть не понтовый, с опытом, не зажавшийся.

Зацепила меня одна тётка, лет сорока пяти, внешность типа «Рина Зелёная». А главное, я обалдел, когда увидел, что зовут её Августа Гильзовна Шмарк. Я попытался вычислить имя её папы, перебрал вариантов десять, ни один не вытанцовывался. Плюнул, ну Гильзовна, так Гильзовна.

Кабинет Августы Шмарк был арендован на час, то есть доход у неё жиденький, раз не может снять офис. В помещении, как полагается, стояла кушетка, ещё там было кресло и стул, даже стола не было.

Уговорить Риналя удалось только после того, как он узнал, что Луша одобрила это мероприятие. Зайдя в кабинет, мы увидели довольно милое создание со светлоголубыми глазами, с пушистыми слегка вьющимися золотистыми волосами, уложенными в пучок. И голосок у неё оказался таким же нежным, слабеньким, как и весь её облик.

– Кто же из вас пациент? – Она переводила взгляд с Риналя на меня, пытаюсь угадать человека с психологической проблемой. Но мы оба воплощали пример двух здоровых во всех отношениях мужиков. Я увидел недоумение на лице психини.

– Он, – сказали мы одновременно, указав друг на друга пальцем.

Недоумение на её лице усилилось, кажется, она начала принимать нас за парочку голубых и боялась, что сейчас мы устроим у неё в кабинете истеричную разборку двух гомиков, запутавшихся в своих сексуальных проблемах.

– Всё в порядке, успокойтесь. Пациент – господин Ахметов, а я его телохранитель.
– А вы не могли бы подождать за дверью? – вопрос был обращён ко мне.
– Нет, по инструкции я не имею права покидать клиента даже на минуту.
– Ну что ж, оставайтесь, раз так, – смирилась Августа. – Как ваше имя и отчество, господин Ахметов?

– Риналь Мегвинетуцесович.

Августа Гильзовна поняла, что ей это ни за что не выговорить, попросила разрешения обращаться к нему: «Господин Ахметов».

Я-то наострился произносить отчество Риналя, но мне для этого понадобилась уйма времени.

– Итак, господин Ахметов, я подозреваю, что у вас возникли психологические или другого рода проблемы. Может быть, что-то вышло из-под контроля?

– Да, именно, вернее, как раз, наоборот, в моей жизни присутствует тотальный контроль и контролирую всё как раз я сам. Это просто кошмар, столько всего надо держать в поле зрения: бизнес, деньги, людей и всё такое прочее.

Риналь, кажется, хотел развлечься.

– И вот я решил избавиться от всего этого. Я так больше не могу.

– И что же вам мешает? Ведь это так просто. Отдайте другим все ваши деньги и живите налегке спокойно, в чём проблема? Сколько денег нужно раздать? Пять миллионов, десять, пятнадцать...?

– Пятнадцать...

– Ну вот и всего-то.

– ... миллиардов... евро.

Августа Гильзовна застыла, прямо остолбенела, видимо, переваривала сумму, переварить не смогла и со всеми своими гильзами шмаркнулась на пол.

Честно говоря, такой реакции мы не ожидали, хотя должны были. Конечно мы не думали, что она «двинула кони», но всё-таки заволновались. На подоконнике стоял кувшин с водой и стакан, я налил воды в стакан и побрызгал ей в лицо. Она захлопала ресницами. Мы вдвоём с Риналем подняли её на руки и усадили в кресло. Августа заплакала и стала повторять как заведённая: «Зачем, зачем, ну зачем?»

– Что «зачем»? – спросили мы хором.

– Зачем они меня мучают?

– Кто они? – опять мы хором.

– Луговые собачки.

Мы с Риналем переглянулись.

– Видишь, что ты наделал, я говорил, что это плохая идея, – Риналь был растерян.

– Думаешь, она сошла с ума?

– А ты как думаешь?

Тут Августа повернула голову в нашу сторону, взгляд её был вроде вполне осмысленным.

– Я в порядке, просто мои дети постоянно просят меня завести луговых собачек, мечта у них такая. Почему-то это сейчас всплыло.

– И в чём проблема, заведите.

– Да вы что, я не могу, у нас нет никаких условий для этого, мы живём вчетвером в двухкомнатной хрущёвке, какие собачки, о чём вы говорите?

Я не удержался, спросил: " Скажите, а как звали вашего папу?"

– Гильзерт.

– А почему вы – Гильзовна?

– Ошибка ЗАГСа.

– Я так и думал.

– Ну всё, сеанс окончен, я совершенно здоров, – Риналю начинал надоедать этот «цирк». Он сунул Августе «золотую» карту в верхний карман её довольно поношенного, но чистенького халатика.

– Ну и сколько на карте? – спросил я, когда мы вышли в коридор, оставив Августу Гильзовну Шмарк почти в прострации.

– Десять миллионов.

– Почему не пять и как же принцип?

– Это для луговых собачек, – сказал он, как отрезал. – Худик (так он называл меня), возьми её под нашу опеку. Работать она вряд ли сможет, по-моему, у неё крыша поехала, отвези её домой, выяснишь ситуацию дома: с детьми, с мужем, если есть, с собачками и остальным зверьём.

– Почему ты думаешь, что она не сможет работать? Это она тебя не переварила. Она здорова, насколько здоровы все психиатры с опытом. Она ещё не одну сотню нормальных психов вылечит.

– Тебе виднее, теперь – она твоя, отвечаешь за неё. И вообще, впредь работай так, чтобы больше никаких жертв.

Вернувшись в кабинет, я увидел Августу, готовую на выход, уже без халата, который висел на спинке стула, возле стула валялась «золотая» карта, выпавшая из кармана халата. «Вот росомаха! – выругался я про себя. – Нет, ей доверять карту нельзя, потеряет, как пить дать.»

– Доктор, можно я провожу Вас домой?

– Зачем? Я отлично доберусь сама.

– Мне так будет спокойнее, ведь Вам стало плохо, если Вы забыли.

– Ну... если у Вас есть время?

– Полно.

Я вызвал такси и через полчаса мы уже были на окраине города. Вокруг стояли сплошные хрущёвки, депрессивный район, особенно, в сравнении с районом «Москва-Сити», где жил Риналь – на семьдесят пятом этаже башни «Федерация» с панорамным остеклением в двухэтажной квартире с бассейном, зимним садом размером с небольшой парк. Я подумал: «Москва – город контрастов».

Поднявшись по обшарпанной лестнице на пятый этаж, мы подошли к не менее обшарпанной двери. Из-за двери слышались крики и звуки какой-то возни. Августа открыла дверь ключом и на нас выкатился мяч. Оказалось, что дома трое её детей, два мальчика – близнецы лет двенадцати, и девочка помладше, играли в футбол. Увидев мать, вся эта орава принялась канючить: «Мам, мам, ну где собачки? Ты же обещала.»

Бедная женщина обернулась ко мне и беспомощно моргая спросила: «Ну что мне с ними делать?»

– По-моему, это психоз, их надо лечить. Это я возьму на себя. Одевайтесь, поехали со мной.

– Куда вы собрались? – спросила обеспокоенная Августа.

– В зоопарк. (У меня созрел план: всё-таки, у меня в кармане лежало десять миллионов евро).

Надо было выпустить злую энергию из этой банды. Она накопилась из-за невозможности нормально развиваться этим трём маленьким «злодеям» в тесной обстановке типовой хрущёвки.

Нет, что-то не то я думаю, почему энергия обязательно злая? Обычная детская, нерас траченная. Надо их рассовать по различным клубам – спортивным, творческим. Сейчас это всё платно, поэтому для них и недоступно. А её надо отвезти на курорт подлечиться, у неё нервы явно не в порядке.

Зоопарк – это для затравки, пусть, наконец, увидят луговых собачек и поймут, что содержать их дома нельзя.

Я заказал лимузин, в обычное такси мы просто не поместились бы. На территории зоопарка я больше всего боялся потерять детей, они всё время куда-то свинчивали и Августа находила их только с помощью мобильных. Надо купить ей телефон с навигатором, чтобы она всё время была в курсе, где обретаются её монстры. В конце концов, мы добрались до вольера, в котором обитали эти самые злополучные луговые собачки.

Это были милые упитанные зверьки, немного похожие на белок, кажется, они из одного семейства, только без хвостов. Любят жить коллективами, то есть семейками. Мордочки у них забавные, с крупными глазами, расположенными по бокам мордашек, так что у них большой кругозор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.